

УДК 008  
ББК Ч111

*А. О. Миланченко*  
*г. Чита, Россия*

### **Проблемы становления постиндустриального общества в России: культурологический аспект**

Статья посвящена проблемам становления постиндустриального общества в России. Опираясь на теории постиндустриализации таких ученых, как Д. Белл, Д. Гэлбрейт, П. Дракер, Р. Инглетарт, Т. Сакайя, А. Тоффлер и др., автор выделяет основные черты постиндустриальной культуры. Из анализа основных сфер общественной жизни России (культуры, науки, экономики, образования) становится ясно, что реальная культурная обстановка в стране не соответствует модели постиндустриального общества.

*Ключевые слова:* постиндустриальное общество, модернизация, доверие, знание, преемственность образования

*А. О. Milanchenko*  
*Chita, Russia*

### **Development Problems of Post-Industrial Society in Russia: Culturological Aspect**

The article deals with development problems of post-industrial society in Russia. Based on the theory of post-industrialization developed by such scientists as D. Bell, D. Galbraith, P. Drucker, R. Inglegart, T. Sakaya, A. Toffler and others, the author highlights the main features of a post-industrial culture. Analyzing the main areas of Russia's public life (culture, science, economics, education) it becomes clear for the author that the actual cultural environment in the country does not correspond to the model of a post-industrial society.

*Keywords:* post-industrial society, modernization, trust, knowledge, continuity of education.

Исторические судьбы культур нельзя рассматривать в отрыве от общего хода развития человечества. При всём типологическом разнообразии культур, изучаемом культурологией, необходимо учитывать и исторические типы культур, которые выделяются применением линейно-прогрессивной модели мировой истории. Среди теоретического разнообразия исторических типологий наиболее актуальной для современной России является теория индустриального и постиндустриального общества. Соответственно можно говорить о трёх исторических типах культуры: доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном.

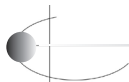
Есть основания полагать, что современное российское общество далеко от постиндустриальной культуры. Цель данной работы – выявить несоответствия между реальной культурной обстановкой в стране и моделью культуры постиндустриального общества, отражённой в теориях постиндустриализации.

#### **I**

По мнению основоположника теории постиндустриального общества американского социолога Д. Белла, на первый план в постиндустриальной культуре выходит знание; теле-

коммуникациям, компьютерам отводится главная роль при обмене информацией и знаниями, растёт класс носителей знаний (учёных и узких специалистов); производство товаров сменяется производством услуг. Меняются средства достижения и осуществления власти – на место социального и материального положения, военной силы и идеологического влияния приходят знания, интеллект и талант [1, с. 61–261].

По мнению экономиста П. Дракера, традиционные «факторы производства» (земля, рабочая сила и капитал) отходят в современном «посткапиталистическом обществе» на второй план. Знание становится основным условием производства, причем «знание используется для производства знания... Знание сегодня – это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов. Причём результаты проявляются вне человека в обществе, экономике или в развитии самого знания» [5, с. 81, 95]. Оно систематически и целенаправленно применяется для того, чтобы определить, какие новые знания требуются, является ли получение таких знаний целесообразным, и что следует предпринять, чтобы обеспечить эффективность их использования, иными словами, знание приме-



няется для систематических нововведений и новаторства. «Знание в единственном числе» (каким его воспринимали ранее, в доиндустриальном обществе) превратилось, по мнению П. Дракера, в знание во «множественном числе» (т. е. появилось множество отраслей знания, они стали глубоко специализированными). Данный переход является признаком становления «посткапиталистического общества» [1, с. 70–100].

Американский социолог А. Тоффлер также придерживается мнения, что особое значение в современном мире приобретает техника, которую он считает не просто значимым компонентом культуры, но и своего рода культурной парадигмой, определяющей то, как живут люди и как они смотрят на жизнь. А. Тоффлер выделяет три волны: «аграрную волну», начавшуюся примерно 10 тыс. лет назад, «индустриальную волну», начавшуюся на заре Нового времени, и «третью волну», с которой мы имеем дело в настоящее время. Для общества нового типа, по мнению А. Тоффлера, характерно преобладание интеллектуального труда над физическим (в сельском хозяйстве и на производстве). Третьей волне характерна индивидуализация в производстве, неограниченная свобода в труде, а также увеличение ценности информации. Новое общество приводит к появлению новых человеческих технологий (гуманизация и индивидуализация производства, которая не только облегчает жизнь рабочих, но и позволяет им работать в удобное для них время). Символами «третьей волны» становятся не единообразие и централизация, а индивидуальность и целостность. В новом обществе также меняется и характер образования. Оно становится более индивидуализированным и гибким [12, с. 219–574].

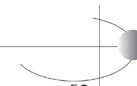
Один из лидеров современной прикладной социологии Р. Ингледарт выделяет следующие черты постиндустриального общества: высокий уровень урбанизации, индустриализации, профессиональной специализации, использование науки и техники, бюрократизация как предельная формализация руководящей деятельности, опора на власть, в основе которой лежат легитимность и рационализм, относительно высокая степень социальной мобильности, акцент на достигнутый, а не на унаследованный социальный статус, высокий уровень формального образования, уменьшение ролевых различий по признаку пола, высокие нормы материального благосостояния и продолжительности жизни. Р. Ингледарт считает, что, когда происходят базовые культурные изменения, они в большей степени затрагивают представителей молодого поколения (которым не приходится преодолевать сопротивление спонтанно усвоенного раннего опыта), нежели людей более старшего возраста. Таким образом, в основе перехода индустриального общества к постиндустриальному

лежит активная деятельность молодёжи. Важнейшим фактором, определяющим становление постиндустриальных ценностей, является факт наличия или отсутствия ощущения экономической и физической безопасности в годы формирования личности [9, с. 245–260].

По мнению Ингледарта, ключевую роль в экономическом росте играет такой специфический компонент, как мотивация к успеху. В рамках педагогической составляющей нашего исследования важно отметить, что одним из шагов в правильном направлении может оказаться простое ознакомление родителей, школ и других организаций с соответствующими подходами в этой области. Автор считает, что построить новое общество способны так называемые постматериалисты, имеющие, по его словам, более высокий уровень образования, отличающиеся большей целеустремлённостью, устойчивостью к стрессу. «Разъять свой мир на части, а затем вновь сложить его воедино – это ведёт к психологическому стрессу в любом случае. Однако люди с относительно высоким уровнем защищённости, подобные постматериалистам, с большей готовностью способны воспринять отход от знакомых им схем, нежели те, кто с обеспокоенностью воспринимает задачу обеспечения их основополагающих экзистенциальных потребностей. Из этого следует, что от постматериалистов следует ожидать большей готовности к восприятию культурных преобразований» [9, с. 245–260].

Японский экономист, политолог, футуролог и социолог Т. Сакайя подчёркивает, что характерным признаком современного общества является не сам факт широкой распространённости знаний, а то, что они непосредственно воплощаются в большинстве создаваемых в обществе благ, и таким образом экономика превращается в систему, функционирующую на основе обмена знаний и их взаимной оценки. По его мнению, одной из важнейших трансформаций в современном обществе становится переход от симбиотических объективных ценностей, которыми характеризовалась традиционная рыночная экономика ранней и средневековой индустриальной эпохи, к независимым от прежних факторов производства субъективным ценностям. Учёт этого сдвига имеет огромное значение для любого хозяйствующего субъекта, который намерен эффективно действовать или даже просто выживать в современной конкурентной среде [11, с. 345–360].

Созданная знанием стоимость товара или услуги, по мнению Т. Сакайя, обладает уникальной чертой: она создаётся индивидуализированными усилиями людей. Таким образом, в постиндустриальном обществе ценность приобретает разум отдельного человека, сам человек становится средством производства. Сакайя отмечает: «То, чем мы, скорее всего, будем обладать в изобилии,



можно назвать мудростью, причём определяемой в самом широком смысле, включающей человеческие способности и знание, равно как и информацию... Отсюда следует, что в складывающемся сегодня обществе наибольшее уважение будет вызывать образ жизни, сопровождающийся бросающимся в глаза потреблением мудрости (в её самом широком понимании), а находить наилучший сбыт будет продукция, свидетельствующая о том, что её покупатель – человек «умудрённый» [11, с. 354].

Американский публицист и политический аналитик Ф. Фукуяма центральное место в своих взглядах на постиндустриальное общество уделяет понятию «доверие». Он подчёркивает, что эта характеристика формируется в результате длительной эволюции того или иного общества, и что уровень доверия служит фундаментальным залогом стабильности социальной структуры. Он отмечает, что недостаток доверия может быть лишь смягчён, но не компенсирован государственным вмешательством в хозяйственную жизнь, и что в обществах с низким уровнем доверия государственная регламентация способна поддерживать хозяйственную эффективность, но не в состоянии привести к позитивным переменам в социальном целом. «Доверие есть возникающее в рамках определённого сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами» [15, с. 151]. Автор полагает, что преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которого избавлены общества с высоким уровнем доверия.

Ф. Фукуяма отмечает, что в основе стабильности и благополучия постиндустриального общества лежат не только закон, договор, экономическая целесообразность, но и такие категории, как принцип взаимности, моральные обязательства, долг перед обществом и доверие, которые основаны в первую очередь на традициях и обычаях, а не на рациональном расчёте, достигаемом искусственным путём [15, с. 151].

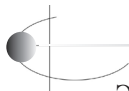
Известный политолог и социолог Дж. Гэлбрейт называет общество эпохи постиндустриализма «справедливым обществом», целью которого является обеспечение эффективного производства товаров и оказания услуг, а также распоряжение полученными от их реализации доходами в соответствии с социально приемлемыми и экономически целесообразными критериями. Экономическая система функционирует эффективно только в рамках жёстких правил поведения. Одним из них является всеобщая честность, правда должна в полном объёме доводиться до сведения

вкладчиков, общественности и потребителя [3, с. 226–242].

В «справедливом обществе» действует одно главное правило – в каждом конкретном случае решение должно приниматься с учётом конкретных социальных и экономических условий. Дж. Гэлбрейт подчёркивает, что мы живём не в эпоху доктрин, а в эпоху практических решений. В справедливом и разумном постиндустриальном обществе стратегия и действия не подчинены идеологическим доктринам. Действия должны основываться на анализе преобладающих фактов и обстоятельств каждого конкретного случая.

Дж. Гэлбрейт отмечает, что справедливое общество не стремится к равенству в распределении доходов. Равенство не соответствует ни человеческой натуре, ни характеру в системе экономических мотиваций. Люди сильно различаются настолько, на сколько они хотят и умеют делать деньги. При этом источником такой энергии и инициативы, которые служат движущей силой современной экономики, отчасти является не просто стремление иметь деньги, а желание превзойти других в процессе их зарабатывания. Это желание представляет собой критерий наивысших социальных достижений и важнейший источник общественного престижа. Незыблемый принцип неравного распределения доходов рассматривается как стимул к труду и новаторству, что приносит пользу всему обществу [3, с. 226–242].

Американский учёный Л. Туроу уделяет внимание в своих исследованиях проблеме формирования современного мира, на которое, по мнению автора, оказали значительное воздействие четыре фундаментальных процесса: крушение коммунистических режимов в конце 80-х – начале 90-х гг., формирование в развитых странах экономики, основанной на информации и знаниях, демографические изменения, среди которых особенно отмечается старение населения, глобализация хозяйственных процессов. Л. Туроу отмечает, что сегодня нет возможности говорить о современном мире как примере торжества западной модели развития, скорее, он может быть представлен как многополюсная система, в которой не существует доминирующего центра силы. Нынешняя эпоха отмечена, по мнению Туроу, такими трансформациями традиционного капитализма, в результате которых изменяются трудовые отношения, устраняется традиционная капиталистическая частная собственность, информация становится доминирующим производственным ресурсом, меняются роль и значение рыночной инфраструктуры, а горизонты производственных и коммерческих решений становятся всё уже. Он считает, что большое богатство не создаётся благодаря бережливости и вложению средств под процент, это соединение удачи и таланта [14, с. 188–222].



Э. Вайцзеккер, Э. Б. Ловинс, Л. Х. Ловинс в докладе Римскому клубу в 1997 г. предлагают в условиях постиндустриального общества более рационально использовать уже имеющиеся в наличии блага [2, с. 346–365]. По их мнению, в современных условиях есть все возможности обеспечить рост выпуска конечного продукта как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, в два раза сократив при этом в той же пропорции использование энергии и сырья. Предлагаемый авторами принцип «в четыре раза» («фактор четыре») означает, что производительность ресурсов может и должна увеличиться в четырёхкратном объёме. Другими словами, в четыре раза должно увеличиться богатство, получаемое за счет разработки природных ресурсов. Благодаря этому, мы сможем жить в два раза лучше и тратить в два раза меньше.

Основные качества человека, способные обеспечить ему и его детям достойное будущее, – это экономность и способность рационально использовать природные ресурсы, считают Э. Вайцзеккер, Э. Б. Ловинс и Л. Х. Ловинс. «Болезнь, связанная с бессмысленным расходом средств, вполне излечима. В основе лечения находятся точная наука, хорошая экономика и здравый смысл, а заключается оно в эффективном использовании ресурсов, в стремлении добиваться большего, а тратить меньше» [2, с. 362]. Основной принцип каждого современного человека, по мнению авторов: «Поступай с будущими поколениями живых существ так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой» [2, с. 362]. Иными словами, для постиндустриальной культуры характерно высокое экологическое сознание, антропологическая модель взаимодействия человека с природой.

Итак, выделим основные черты постиндустриальной культуры на основе исследований вышеперечисленных авторов. Культура постиндустриального общества характеризуется высоким уровнем урбанизации, человеческой свободы, благосостояния граждан; уменьшением ролевых различий по половому признаку; ценностью человеческой индивидуальности; высоким уровнем доверия; значимостью теоретического знания и информации (причём не просто их хранения, а в первую очередь использования на практике); увеличением класса носителей такого рода знаний (учёных, узких специалистов и т. п.); результативностью, эффективностью, открытостью науки; повсеместным распространением новейших технологий; преобладанием интеллектуального труда над физическим (достижении социального статуса над приобретённым); интенсивным характером экономики; высококачественной конкурентоспособной сферой услуг и производства товаров гражданского потребления; экономической системой, выстроенной на основе обмена

знаниями и их взаимной оценки; экономической целесообразностью, узкими производственными и коммерческими решениями; рациональным использованием благ и ресурсов; высоким уровнем образования и т. д.

Опираясь на данную модель постиндустриальной культуры, уже сразу можно выделить некоторые черты российского общества, не соответствующие ей. К примеру, согласно исследованиям индекса экономической свободы фонда *Heritage* и институтов *Fraser* и *Cato*, индекса свободы *Freedom House* и индекса свободы прессы организации «Репортёры без границ», в 2006 г. Россия заняла 124-е место из 159. Так, по уровню экономической свободы РФ оказалась на 97-м месте, а по уровню налогообложения – на 75-м [22].

Специалисты международного агентства *Edelman* в очередном социологическом исследовании *Trust Barometer 2011* по измерению уровня доверия к бизнесу, брендам и различным общественным институтам пришли к выводу, что общий уровень доверия ко всем государственным и общественным институтам в России на 40% ниже, чем в абсолютном большинстве других стран [22].

По данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, и без того значительно невысокий уровень благосостояния российских граждан неуклонно снижается. В феврале 2009 г. более половины населения России (56 %) заявили об уменьшении доходов. С 68 % (февраль 2008 г.) до 72 % (февраль 2009 г.) выросла доля россиян, которые вообще не делают денежных накоплений. 50 % россиян сокращают затраты на продукты питания, 42 % – на одежду и обувь, 30 % – на развлечения, 29 % – на отдых и отпуск. Почти каждый четвёртый отказывает себе в лечении и приобретении лекарств [22].

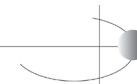
Показательна, на наш взгляд, ситуация с экологической обстановкой в России. У российских граждан пока не сформирована экологическая культура, прослеживается потребительское отношение к природе, что продиктовано, прежде всего, наличием колоссальной территории и огромного количества ресурсов, которыми богата страна.

Уже на первый взгляд видно несоответствие реальной культурной обстановки в России и модели культуры постиндустриального общества. По нашему мнению, все эти черты современного российского общества являются не «отдельными недостатками», а имеют системный характер.

## II

Таким образом, не должно удивлять положение в области основных сфер общественной жизни России (культуры, науки, экономики, образования). Попытаемся выявить несоответствие между реальной культурной обстановкой в стране





и уже известной нам моделью постиндустриального общества.

*Культура.* На первый взгляд может показаться, что никаких проблем нет, что Россия шагает в ногу со временем и ничем не отличается по уровню культурного развития от развитых постиндустриальных стран. Можно утверждать, что, благодаря компьютеризации, туризму, средствам массовой информации, Интернету, мы вписываемся в единое мировое пространство. Но так ли это на самом деле?

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, около 70% россиян не пользуются Интернетом совсем [17]. Наиболее популярными у российской интернет-аудитории оказались электронная почта (79%) и социальные сети (76%) [17]. Таким образом, оставшиеся 30% российских пользователей Интернета применяют его чаще в развлекательных целях и гораздо реже – для получения информации.

Как пишет современный авторитетный исследователь культуры Б. Дубин, современный россиянин не деятель культуры, он потребитель. «Таков мир рекламы, мир гламурных журналов, количество которых постоянно растёт, “гламурного читива”, как теперь стали напрямую обозначать этот раздел словесности в больших книжных магазинах Москвы. Тут пробуют на ощупь, поэтому поверхность должна быть глянцековой, гладкой. Пробуют на запах, поэтому нужны дезодоранты, парфюм. Пробуют на глаз, на вкус» [6, с. 31–40]. Глянцевые журналы всё чаще выступают сегодня инстанцией, которая формирует образ литературы и культуры в целом, проводят границы между достойным и недостойным вниманием, задают фигуры «звёздных» героев и авторов.

Бытует мнение о том, что «Россия – самая читающая в мире страна». Возможно и так, но вопрос в том, что читает современный россиянин? Согласно опросу, проведённому фондом «Общественное мнение» весной 2007 г., более или менее регулярно что-либо читают три четверти россиян. Каждый второй читает газеты (52%), каждый третий – книги (35%), каждый четвёртый – журналы (24%), а 2% – некие иные виды печатной продукции. Четвёртая часть (24%) респондентов заявила, что ничего не читает. Одна из ведущих мировых компаний, исследующих книжный рынок, «NOP World» приводит следующие данные: среди много читающих россиян спросом пользуется художественная литература (59%), за которой идут лёгкое чтение на повседневные темы (мода, кулинария, обустройство быта, здоровый образ жизни и пр.) – 43% опрошенных. Мало читающие граждане России больше интересуются лёгким чтением на повседневные темы (37%), а лишь потом художественной литературой (29%), литературой

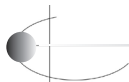
по специальности (21%); публикациями, связанными с различными хобби (18%); публикациями на общественно-политические и экономические темы (16%); учебной и справочной литературой (14%), научно-популярными текстами (10%) и религиозными (5%) [18].

Таким образом, «читающая» часть страны предпочитает в основном незаурядные книги (детективы, любовные романы и т. п.), думать над которыми не надо, их необходимо просто «употреблять».

Большинство учреждений культуры в России переживает сегодня не лучшие времена. К примеру, «фонды библиотек – от национальных до районных – становятся всё бедней, а их количество на низовом, наиболее массовом, доступном для людей уровне постоянно сокращается (по оценкам экспертов, в ближайшей перспективе оно может сократиться более чем наполовину, возможно даже – на три четверти). Периферия российского общества, и социальная, и географическая, отрезана и всё дальше «отодвигается» от его центров, можно сказать, происходит её варваризация» [6, с. 31–40], – отмечает Б. Дубин. По его мнению, деятельность сельских, районных, центральных городских, даже ведомственных библиотек фактически сведена сегодня до функции школьных библиотек. Они обеспечивают первичную социализацию, помогают в учёбе. По данным исследования Левада-центра, хотя бы в какую-то библиотеку сегодня записана лишь пятая часть взрослых россиян, причём примерно две трети остальных были записаны, но перестали пользоваться, остальные же никогда не были абонентами библиотек [6, с. 31–40].

По мнению Б. Дубина, характеристика типового человека и его образа жизни в сегодняшней России – это человек виртуальный, он не деятель, он зритель. Российский человек сегодня не просто смотрит телевизор, он живёт с телевизором. Телевизор – полноценный член его семьи и, может быть, даже главный член, старший. Более того, нынешний россиянин – составная часть «общества зрителей», множества, которое ощущает себя обществом именно тогда, когда смотрит телевизор [6, с. 31–40]. Точнее сказать, он не смотрит, а скорее переключает каналы, не задерживая своего внимания надолго ни на одном из них, иными словами «пробует», причём, весьма неразборчиво, всё, что ему предлагают. Зрителей реалити-шоу, эстрадных концертов, юмористических программ и сериалов в нашей стране намного больше, чем тех, кто предпочитает, например, телеканал «Культура» или различного рода познавательные передачи.

На материалах международного сравнительного исследования более чем в сорока странах отмечается весьма низкий уровень заинтересо-



ванности россиян теми проблемами, которые в значительной мере волнуют людей в крупнейших странах мира. Единственным исключением оказалось всё, относящееся к необычным явлениям и сверхъестественным целительным способностям. Парапсихология, НЛО, магия, сглаз, астрология и хиромантия, вызывали у россиян интерес гораздо больший, чем в развитых странах мира [7, с. 27]. Отмечается, что у россиянина не только не возникает желания познать культурное наследие других стран, часто он проявляет явную неприязнь к культуре зарубежья (в том числе западноевропейской). Так, И. С. Дороговцева и Д. В. Трубицын отмечают, что современная российская культура отличается высокой степенью нетерпимости. «Широкое распространение таких явлений, как этноцентризм и неприкрытый расизм, характеризуют современное российское общество как весьма нетолерантное и достаточно далёкое от идеала современного общества» [4, с. 331].

*Наука.* Российская наука характеризуется сегодня рядом существенных проблем. Прежде всего, это инициированный сверху «инновационный процесс», слабо поддерживаемый самим научным сообществом «снизу». По данным исследования интернет-журнала «Капитал страны», за 2009 г. под руководством экономиста Е. В. Балацкого во многих регионах России (приблизительно в 20 %) поддержка инноваций, в том числе в науке, носит откровенно показательный характер, не подкрепляясь конкретными достижениями. Например, в Новгородской области государством создан «Новгородский научно-координационный центр», который себя пока никак не проявил. В Камчатском крае только в 2009 г. был создан Совет по науке и инновациям при губернаторе края. Такие акции идут, по мнению Е. В. Балацкого, скорее, под давлением центра и тотальной агитации, нежели по инициативе местных инноваторов [16].

Сегодняшняя российская наука характеризуется также низкой эффективностью и результативностью (число статей, опубликованных в международно признанных рецензируемых журналах, цитируемость). Так, на долю России в 2006 г. приходилось всего 2,43 % научных статей, публикуемых в международных журналах, индексируемых в базе данных *Web of Science*, тогда как на Францию – 5,6 %, на Германию – 7,83 %, на Китай – 8,62 %. По своему удельному весу в общем объёме научных публикаций Россия находится между Нидерландами (2,5 %) и Бразилией (1,89 %) [20].

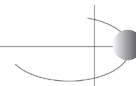
В 2000-х гг. сохранилась также наметившаяся в 1990-е г. девальвация научных степеней и званий. Если в 1995 г. диплом кандидата наук получили 11553 человека, то в последующие годы этот показатель неуклонно рос и достиг в 2007 году 30577 человек, т. е. увеличился более

чем в два раза. Почти столь же резко выросло и число докторов наук: с 2760 в 1995 г. до 3917 в 2007 г. Наиболее заметна эта девальвация в общественных науках. Так, число присуждаемых дипломов кандидата политических наук выросло в 1996–2006 гг. с 56 до 439, юридических – с 250 до 2336 (т. е. почти в десять раз), педагогических – с 734 до 2746. К сожалению, даже самые уважаемые вузы и научные институты в последние годы присуждали научные степени и звания политикам и бизнесменам. Поскольку руководство крупной компанией или регионом, как правило, абсолютно невозможно совместить с написанием диссертации, подобная практика не может не подрывать авторитета как научных званий в целом, так и конкретных научных организаций. Не сформировалось и нетерпимого отношения к написанию диссертаций «на заказ», а случаи явного плагиата в массе своей не выявляются и не расследуются, как не принимаются соответствующих мер в отношении диссертационных советов, допустивших защиту подобных диссертаций. Эти явления характерны, прежде всего, для общественных и гуманитарных дисциплин, однако естественные и технические науки тоже всё чаще с ними сталкиваются [20].

Наука в нашей стране должна стать более «публичной», открытой для коммуникации между учёными и для простого обывателя. Кроме того, в рейтинге научной грамотности населения Россия заняла 32-е место из 38 [19]. Наука в нашей стране существует лишь для учёных. Граждан России практически не интересует, что происходит в отечественной, а уж тем более в мировой науке.

*Экономика.* На взаимосвязь между технологико-экономическим аспектом постиндустриализации и собственно экономическим указывает замечание Лиухто. По его мнению, компьютеризация и включение России в мировое постиндустриальное пространство происходит сейчас быстрыми темпами, но не за счёт качественного роста самой России, а за счёт продажи ресурсов. Динамики увеличения в плане конкурентоспособности страны на мировом рынке не обнаруживается (70-е место из 104-х включённых стран) [10, с. 113–120].

Экономический рост в России в настоящее время носит экстенсивный характер и происходит, прежде всего, за счёт традиционной неконкурентоспособной продукции. Россия почти не производит современной и высококачественной конкурентоспособной продукции массового спроса гражданского, т. е. невоенного, назначения. Более того, в отличие от постиндустриальных стран и таких крупных развивающихся стран, как Бразилия, Индия и тем более Китай, Россия пока не сумела пробиться на широкий мировой рынок, занять собственные надёжные ниши по поставкам готовой, а не сырьевой промышленной и сель-



скохозыятственной продукции. 40 % бюджета РФ формируется из сырьевых отраслей, нет сдвигов в соотношении обрабатывающей и добывающей промышленности [13, с. 9]. В 2006 г. доля экспорта нефти и газа в структуре российского экспорта составила 62,7 % [13, с. 9]. По мнению Д. В. Трубицына, «ресурсно-сырьевая направленность российской экономики не позволяет выдерживать паритет с ведущими развивающимися странами в области ВВП, не говоря о высоких технологиях, конкурентоспособности и производительности труда» [13, с. 9]. Так, доля высокотехнологического сектора в объёме ВВП в 2006 г. составила: США – 50,4 %; ЕС – 45,3; Япония – 63,9; Бразилия – 25,3; Китай – 47,6; Индия – 15,2; Россия – 3,9 [13, с. 9].

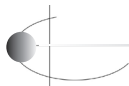
Россия остается также и страной не доведённых до конца реформ. Большинство неудач в сфере российской экономики и её реформирования было обусловлено слабостью институтов власти, отсутствием необходимой политической воли к созданию истинно эффективной рыночной экономики и формированию демократического строя. Предпринимательская активность в стране, которая наблюдалась в 1990-х, практически утрачена, об этом свидетельствует снижение показателя раннего предпринимательства (за 2007–2008 гг. он сократился вдвое) [13, с. 10]. По словам Д. В. Трубицына, это также напрямую связано с наличием «лёгких денег» от продажи ресурсов и распределением их госаппаратом [13, с. 10].

**Образование.** Образование является важнейшей областью общественной жизни, способной в корне изменить ситуацию в стране, ускорить процесс её модернизации. Сегодня в системе образования России проводятся реформы, о качестве и последствиях которых ещё рано судить, остаётся лишь надеяться, что эти изменения положительно повлияют на уровень образования в нашей стране. В связи с проблемами становления в России постиндустриального общества, хотелось бы выделить ряд трудностей современного российского образования.

Главной проблемой современной школы является отсутствие преемственности образования. Российский школьник (как впрочем, и студент или выпускник школы, вуза, суза и т. п.) не умеет применять полученные знания на практике, в своей профессиональной деятельности и даже в повседневной жизни. Выпускники получают достаточно хороший багаж теории, но, к сожалению, их не учат, как её применить. Обратимся к результатам тестирования Международной программы по оценке достижений учащихся (*PISA*), которое проводится Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), считается одним из самых авторитетных исследований качества образования в мире. Главный объект исследо-

вания – 15-летние школьники. Цель программы – не просто оценить уровень знаний, полученных в школе, а выяснить, насколько успешно подростки могут применять эти знания в жизни. *PISA* исследует уровень знаний в трёх главных сферах: грамотность чтения, естественно-научная и математическая грамотность. Средний балл стран ОЭСР – по читательской грамотности – 493 по 1000-балльной шкале. Российские ребята с 459 баллами занимают 41–43-е места между Дубаем и Чили. По математической грамотности Россия занимает 38–40-е места (468 баллов), по естественно-научной – 37–40-е (478 баллов). Ни в той, ни в другой сфере никакой существенной динамики за последние девять лет не наблюдается. Второй не менее важный вывод из исследования касается конкурентоспособности страны в целом. Результаты исследования показали, что большинство российских учащихся находятся на так называемом втором уровне знаний, который касается самых элементарных житейских ситуаций. Тогда как в странах ОЭСР преобладают 3-й и 4-й уровни знаний, с которых, собственно, и начинается самообразование [19].

Несмотря на «выход» России в единое образовательное пространство после подписания Болонской декларации, вузовское обучение по-прежнему оторвано от мировой образовательной системы. Наша высшая школа до сих пор не ориентирована на то, чтобы дать студентам хорошую специальность, пользующуюся общественным признанием и при этом хорошо вознаграждаемую. Согласно исследованиям Левада-центра, шансов активизировать обучение и расширить круг собственных занятий у студентов, по их оценкам, не так уж много (у 40–60 % учащихся или отучившихся в вузах таких шансов попросту не было). С другой стороны, даже имеющиеся возможности используются лишь третью студентов: 59 % учащихся или недавно отучившихся в вузе молодых людей признают, что ничего не делали для того, чтобы получить более углублённые знания, дополнительную квалификацию по той специальности, которой обучались. Лишь один из десяти посещал дополнительные курсы по избранной специальности, один из четырёх самостоятельно набирал дополнительные знания, читая специальную литературу. Характерно, что студенты оценивают степень заинтересованности своих однокурсников в качестве образования, степень их активности в ходе обучения столь же невысоко: лишь 32 % учащихся или отучившихся в вузах молодых граждан России замечают или замечали в своих сотоварищах по вузу интерес к учёбе, поиск качественного образования, а, по мнению 56 %, главное для их коллег – просто получить диплом как таковой [8, с. 41]. Мы снова вернулись к вопросу преемственности образования. Интере-



сен тот факт, что лишь 16 % нынешних или бывших студентов имеют или имели в период учёбы представление о предприятии или фирме, где они будут работать. 70 % либо не имели представления об этом вовсе, откладывая решение проблемы на будущее, либо представляли себе сферу будущих занятий лишь в общих чертах. В результате такой неподготовленности работают по специальности, полученной в вузе, меньше половины выпускников вузов (49 %). Остальные либо никогда не работали по полученной специальности, либо оказались вынуждены её поменять, поскольку были не удовлетворены зарплатой, не имели шансов найти работу, разочаровались в своей специальности [8, с. 42–47].

Таким образом, мы пришли к выводу, что реальная социокультурная обстановка в России по большинству показателей не соответствует выделенной на основе ведущих исследований теории постиндустриализма модели постиндустриальной культуры. Налицо культурный и экономический кризис, наука и образование страны находятся в плачевном состоянии и имеют ряд серьёзных проблем. Одной из черт постиндустриальной культуры является уровень человеческой свободы. Россия по данному показателю занимает одно из последних мест в мире. Благополучие россиян неуклонно снижается, что тоже не соответствует выделенной модели постиндустриальной культуры. Уровень доверия среди российских граждан также довольно низок по сравнению с ведущими мировыми державами. Культурные источники (например, Интернет, книга, телевидение), которые должны выступать в первую очередь как источники полезной информации, имеют в нашей стране совершенно противоположное предназначение.

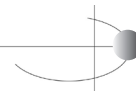
Культура в российском обществе в основном выступает только как некий продукт, потребляемый основной массой населения страны. Ряд серьёзных проблем имеет также российская наука, среди них: показательный, а не практикоориентированный характер научной деятельности, низкий уровень результативности и эффективности науки, девальвация научных степеней и званий, а также непубличность, закрытость науки. Российская экономика носит экстенсивный характер, постиндустриальное же общество характеризуется интенсивностью экономики. Вместо производства высококачественных товаров гражданского потребления и современных услуг, мы имеем производство традиционной неконкурентоспособной низкокачественной либо природной продукции. Кроме того, ввиду наличия колоссальных территорий и ресурсов, у россиян не сложилось экологического сознания и бережного отношения к природе. Наиболее важной проблемой современного российского образования является отсутствие его преемственности, что также противоречит законам постиндустриализации.

Несомненно, модернизация – очень сложный и болезненный процесс, в ходе которого необходимо считаться со всеми сферами общественной жизни. Важным звеном российской модернизации мы считаем именно реформирование образования. Наряду с экономическими, политическими реформами – инновации в системе образования, в том числе и новые педагогические технологии, могут стать серьёзным шагом на пути к развитию личности, способной построить новое российское общество, которое займёт своё место среди постиндустриальных держав.

#### Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. 956 с.
2. Вайцеккер Э., Ловинс Э. Б., Ловинс Л. Х. Фактор «четыре». В два раза больше богатства из половины ресурсов // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 346–365.
3. Гэлбрейт Дж. Справедливое общество. Гуманистический взгляд // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 226–242.
4. Дорогавцева И. С., Трубицын Д. В. Проблемы трансформации российской культуры в процессе модернизации // Личность. Культура. Общество. 2009. № 3. С. 328–335.
5. Дракер П. Посткапиталистическое общество. Гуманистический взгляд // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 70–100.
6. Дубин Б. Другая история: культура как система воспроизводства // Отечественные записки. 2005. № 4. С. 31–40.
7. Дубин Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры. М.: Новое изд-во, 2004. С. 352.
8. Дубин Б. Качество или диплом? // Pro et Contra. Май–июнь 2010. С. 32–51.
9. Инглетарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 245–260.





10. Лиухто К. Россия на пути к информационному обществу? // Вопр. экономики. М., 2005. № 4. С. 113–120.
11. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 340–371.
12. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
13. Трубицын Д. В. «Модернизация» и «Негативная мобилизация» // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 3–13.
14. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 188 – 222.
15. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 142–159.
16. Балацкий Е. В. Инвестиционный портрет регионов – II. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info> (дата обращения 23.02.2011).
17. Зачем россиянам Интернет: 80 % пожилых пользователей Интернета обращаются к глобальной сети для получения информации. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072124> (дата обращения 23.02.2011).
18. Население России. Статистика, факты, комментарии, прогнозы. URL: [http://www.rf-agency.ru/acn/stat\\_ru](http://www.rf-agency.ru/acn/stat_ru) (дата обращения 23.02.2011).
19. Сметанина С. Знаем хорошо, умеем плохо: чему же всё таки учат в нашей школе. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/01/22/dubin.html> (дата обращения 23.02.2011).
20. Федюкин И. Российская наука: от кризиса качества к поиску точек роста // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/12/16/russcience.html> (дата обращения 23.02.2011).
21. *Trust Barometer* 2008: Доверие к бизнесу превышает доверие к власти. URL: [http://www.ng.ru/economics/2009-03-25/1\\_crisis.html](http://www.ng.ru/economics/2009-03-25/1_crisis.html) (дата обращения 23.02.2011).

Рукопись поступила в издательство 8 апреля 2011 г.